

В поисках
утраченного
времени

Из собрания сочинений

По направлению к Свану
Под сенью девушек в цвету
У Германтов
Содом и Гоморра
Пленница
Беглянка
Обретённое время

Марсель Пруст
Из собрания сочинений

**В ПОИСКАХ
УТРАЧЕННОГО
ВРЕМЕНИ**

**ПОД СЕНЬЮ ДЕВУШЕК
В ЦВЕТУ**

ФТМ

Москва, 2018

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
П85

Перевод с французского Николая Любимова

Пруст, М.

П85 В поисках утраченного времени. Под сенью девушек в цвету / М. Пруст; [пер. с франц. Н. Любимов]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 722 с.

ISBN 978-5-521-74687-3 (т.2)
ISBN 978-5-4467-3376-7

Цикл автобиографических романов французского писателя-модерниста Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» продолжает вторая книга «Под сенью девушек в цвету». Роман-исповедь и роман-воспоминание погружает читателя в мир Пруста, в котором прошлое и настоящее, сплетаясь между собой, открывают удивительное и бесконечное движение человека в глубину своей внутренней Вселенной. После выхода в свет роман сразу был отмечен высшей литературной наградой Франции – Гонкуровской премией.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74687-3 (т.2) © Т8 RUGRAM, 2018
ISBN 978-5-4467-3376-7 © ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Перевод. Н. Любимов, наследники, 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВОКРУГ ГОСПОЖИ СВАН

Моя мать, когда зашла речь о том, чтобы в первый раз пригласить на обед де Норпуа, выразила сожаление, что профессор Котар уехал и что она перестала бывать у Свана, а между тем оба они представляют несомненный интерес для бывшего посла, но мой отец возразил, что такой знатный гость, такой блестящий ученый, как Котар, был бы кстати на любом обеде, а вот Сван с его хвастовством, с его манерой кричать на всех перекрестках о своих даже и неважных знакомствах, — самый обыкновенный похвальбишка, которого маркиз де Норпуа, воспользовавшись своим любимым выражением, непременно назвал бы «вонючкой». Некоторые, вероятно, помнят вполне заурядного Котара и Свана, у которого в области светских отношений скромность и сдержанность были возведены в высшую степень деликатности, а потому замечание моего отца требует хотя бы краткого пояснения. Дело в том, что к «сыну Свана», к Свану — члену Джокей-клуба, к бывшему другу моих родителей, прибавился новый Сван (и, по-видимому, то была не последняя его разновидность): Сван — муж Одетты. Приноровив к

невысоким духовным запросам этой женщины свойственный ему инстинкт, желания, предприимчивость, он ради того, чтобы опуститься до уровня своей спутницы жизни, умудрился создать себе положение гораздо хуже прежнего. Вот почему он казался другим человеком. Так как он (продолжая бывать один у своих друзей, которым он не желал навязывать Одетту, раз они сами не настаивали на знакомстве с ней) повел совместно с женой иную жизнь и окружил себя новыми людьми, то вполне естественно, что, оценивая разряд, к какому принадлежали эти люди, и, следовательно, взвешивая, насколько встречи с ними льстят его самолюбию, он избрал мериллом не самых ярких представителей того общества, в котором он вращался до женитьбы, а давних знакомых Одетты. И тем не менее, когда становилось известно, что он собирается завязать отношения с невысокого полета чиновниками и с продажными женщинами — украшением министерских балов, то все удивлялись, как это Сван, который прежде, да, впрочем, и теперь, так мило умалчивал, что он получил приглашение в Твикенгем или в Бэкингем Пэлес, всюду раззванивает о том, что жена какого-нибудь помощника начальника отделения отдала визит г-же Сван. Могут возразить, что простота элегантного Свана была лишь утонченной стороной его тщеславия и что на примере бывшего друга моих родителей, как и на примере некоторых других евреев, можно наблюдать последовательность этапов, через которые проходили его соплеменники: от наивнейшего снобизма и грубейшего хамства до изысканнейшей любезности. Однако основная причина заключалась не в этом, а в черте общечеловеческой: наши достоинства не представляют собой чего-

то свободного, подвижного, чем мы вольны распоряжаться по своему благоусмотрению; в конце концов они так тесно сплетаются с действиями, которые нас вынуждают обнаруживать их, что если перед нами возникает необходимость в иного рода деятельности, то она застаёт нас врасплох, и нам даже не приходит в голову, что она обладает способностью пробудить в нас эти самые достоинства. Сван, заискивавший перед новыми знакомыми и гордившийся ими, был похож на отличающегося скромностью и душевным благородством большого художника, к концу жизни вдруг начинающего увлекаться кулинарией или садоводством и простодушно радующегося похвалам, расточаемым его кушаньям или клумбам, которые он не позволяет критиковать, тогда как критика его картин не вызывает в нем раздражения; а быть может, на того, кто способен подарить свою картину, но кого сердит проигрыш двухсот сантимов в домино.

Что касается профессора Котара, то он будет часто появляться значительно позднее у «покровительницы» в замке Распельер. Пока достаточно заметить следующее: перемена, происшедшая со Сваном, ещё могла вызывать удивление, так как совершилась она, когда я, ничего не подозревая, встречался с отцом Жильберты на Елисейских Полях, где он к тому же не разговаривал со мной и не имел случая похвастаться своими связями в политических кругах. (Впрочем, если бы он и похвастался, то я вряд ли сразу разглядел бы в нем честолюбца, — издавна сложившееся представление о человеке закрывает нам глаза и затыкает уши; моя мать три года не замечала, что ее племянница красит губы, как будто краска вся целиком растворялась в какой-нибудь жидкости, — не заме-

чала, пока излишек краски, а быть может, какая-нибудь другая причина не вызвала явления, именуемого перенасыщением; вся не замечавшаяся до того времени краска кристаллизовалась, и моя мать, потрясенная этим внезапным цветовым разгулом, сказала, как сказали бы в Комбре, что это позор, и почти порвала с племянницей.) Другое дело — Котар: то время, когда он присутствовал при первых появлениях Свана у Вердюренов, было уже довольно далеким временем, а ведь и почести и звания приходят с годами; притом можно быть неучем, придумывать глупые каламбуры и обладать особым даром, который никакое общее образование не заменит, как, например, талант выдающегося стратега или выдающегося клинициста. В самом деле, товарищи смотрели на Котара не только как на необразованного практика, в конце концов ставшего европейской знаменитостью. Самые умные из молодых врачей уверяли, — по крайней мере, в течение нескольких лет, так как всякая мода меняется: ведь она же и вырастает из потребности в перемене, — что если они когда-нибудь захворают, то не доверят свою драгоценную жизнь никому, кроме Котара. Общаться же они, разумеется, предпочитали с более образованными, более художественно восприимчивыми из своих наставников, с которыми можно было поговорить о Ницше, о Вагнере. Когда у г-жи Котар устраивались музыкальные вечера, на которые она в надежде, что ее муж станет деканом факультета, звала его коллег и учеников, он, вместо того чтобы слушать музыку, играл в соседней комнате в карты. Зато он славился находчивостью, проницательностью, точностью диагнозов. Заметим еще относительно поведения профессора Котара с